

УДК 821.161.1(470.56)

Е.К. Щербакова

Православные мотивы в «Оренбургских» произведениях В.И. Даля и Н.А. Степного

В статье рассматривается вопрос о роли православных мотивов в «оренбургских» сказаниях В. И. Даля и в «Сказках степи» (легендах и сказаниях) Н. А. Степного (Афиногенова). В созданных на фольклорном материале «Сказках степи» Н. А. Степного видны аллюзии на восточные тексты В. И. Даля. Однако если в «оренбургской» прозе В. И. Даля особое значение имеют православные мотивы, русское априори соотносится с православным, то в легендах Н. Степного православное мышление проявляется только в бытовых описаниях, деталях, и вместе с тем оно является не вполне осознаваемой основой русской жизни, чем-то неизменным и привычным.

Ключевые слова: В. И. Даль, Н. А. Степной, православные мотивы, сказания, легенды, киргизы, казаки, быт, нравы, Оренбургская крепость, Урал, степное пространство.

В творчестве Даля «таится немало типов и коллизий, которые впоследствии легли в основу пространных полотен классической русской литературы» [10, с. 111], и потому не случайным является факт сюжетно-тематических пересечений в «оренбургских сказаниях» В. И. Даля и беллетриста Н. А. Степного, чья литературная деятельность развивалась в первой половине XX века.

В «оренбургской» прозе В. И. Даля особое значение имеют православные мотивы, русское априори соотносится с православным. Так, в «оренбургской» части повести «Серенькая», в рассказе «Домик на Водяной улице», один из главных героев – город, в котором угадывается Оренбургская крепость времени ее основания, она имеет православный облик.

Из рассказа явственно видно, что Оренбург строился как христианская твердыня в азиатских степях, об этом свидетельствует эпизод, связанный со строительством храма, с идеей общественной значимости. Капитан, правая рука коменданта, не соглашается переселиться в свой дом до тех пор, пока не будет возведена в городе церковь: «...Он <капитан> отвечал стихом псалма, громким, твердым, но теплым голосом: «Не взойду в шатер дома моего, доколе не найду места господу, жилища крепкому богу Иакова!» [2, с. 105]. «И ударило клепало, и загудели колокола, раздался первый благовест над Яиком-рекой, звон которого местные народы не слыхивали и дивились ему, широко разинув рот. Звонком этим сказалась охрана господня над всею обширною страной, а сила русская вторила ему гулом пушек. «Здравствуй, трижды зачатая, единожды рожденная твердыня, русский город: век стоять тебе покровом и оплотом ширить могучие крылья свои!» – так проговорил капитан звучным голосом, перекрестясь и кланяясь на все четыре стороны...» [2, с. 105].

Эти описания, лиричное излияние добрых чувств, уважения к русской вере, свидетельствуют о понимании автором сущности русской жизни, неразрывно связанной с православием. Особую роль в данном случае приобретает образ дома, своего собственного и дома Господня – храма.

Хотя этнографическую прозу Н. А. Степного, писателя с революционным настроением, отличает тот же интерес к быту жителей восточной окраины России – Оренбуржья, Православие для него уже не имеет такого значения, как для В. И. Даля, но тем не менее в легендах на «русскую тему» из «Сказок степи» («Змея», «Любовь») Н. Степного православное проявляется в бытовых деталях, является не вполне осознаваемой основой русской жизни, чем-то неизменным и привычным.

За время пребывания в Оренбурге (1833–1841 гг.) В.И. Даль собрал и обработал ряд фольклорных текстов: легенд и преданий, в которых, как отмечает современный исследователь, «оренбургские

локусы приобретают уже не географическое и историческое, а мифологическое значение», а «художественное пространство определяется ... природными локусами: степь, Урал, «азиатский» и «русский» берега Урала и т.п.» [5, с. 152].

С В.И. Далем Н. А. Степного сближает интерес к быту, жизни, природе тюркоязычного населения (башкир, киргизов), а также казаков, новоселов и старожилов бывшей Оренбургской крепости; примечательно, что писатель стремится «установить разницу между прошедшим и настоящим в бытовом отношении» [4, с. 185]. Книга «Сказки степей», состоящая из двадцати семи сказаний, занимает особое место в творчестве Степного, выделяется среди других его текстов наибольшей проработанностью, художественностью. К. Слобожанин, написавший рецензию на книгу Степного сразу по ее выходе из печати, в 1918 году, отмечал, что писатель обладает «талантом небольшим, но искренним», и в качестве достоинств книги указывал на фотографическую верность приведенных в ней картин быта [6].

Открытое пространство степи в «восточных» текстах В. И. Даля таит множество опасностей, так, по приводимым в «Бикее и Мауляне» сведениям, за год киргиз-кайсаками в среднем около полсотни православных уводятся в плен. «В последние годы кайсаки вовсе перестали таскать людей с линии, ибо некоторое устройство в степи весьма затрудняет им сбыт и даже самую утайку невольников, а страх поплатиться головою отбил батырей от этого опасного промысла» («Бикей и Мауляна») [2, с. 230]. Степняки у В. И. Даля нередко показаны в негативном свете; русские проявляют к ним неприязненное отношение, главная причина которого – длительная вражда: «<...> вот ведь, которому дашь аман, он-то самый и наделает тебе больше всех хлопот» [2, с. 149]. И вместе с тем исследователи творчества В. И. Даля не раз отмечали, что, описывая нравы кочевников, «автор не занимает позицию просвещенного «белого» среди дикарей», <...> все время подчеркивает, что, несмотря на разницу в общественном развитии, в быту, собственно в культуре, кайсаки такие же люди,

как и европейцы: они так же решают имущественные споры, влюбляются, страдают» [9, с. 68].

В легендах Н. А. Степного, созданных на оренбургском материале, можно найти немало подтверждений печальным фактам, описанным еще В. И. Далем. Даже спустя время память о краже людей и работорговле в оренбургских степях по-прежнему живет в народном сознании.

Предание Н. Степного «Змея» имеет кольцевую композицию, как в горьковском произведении «Старуха Изергиль». Предание начинается так же, как и многие «оренбургские» рассказы В.И. Даля, – с описания оренбургских локусов: Менowego двора, киргизских зимовий, юрт: «С правой стороны – реки, горы, овраги, лес, густая зеленая трава и тень. С левой, противоположной – далеко ушла ровной плоскостью степь без единого кусочка. По ней маячит на много верст вперед весь гладкий, кажущийся чем-то большим, Меновой двор, за ним киргизские зимовки, юрты. Между одиночными юртами поразбросаны, словно чьей-то прихотливой рукой, стада коров, лошадей и баранов. Дальше, за юртами, тянутся караваны верблюдов, которые, как гуси, уперлись друг другу в хвост и идут, неся терпеливо бремя бесконечных пустынь... Все тонет, все вбирает в себя она, эта бесконечная, ровная степь» [7, с. 162]. Если в повестях и рассказах В. И. Даля особое значение имеет описание православного храма, как в «Домике на Водяной улице», то для писателя революционного склада Н. Степного это объект, не имеющий значения.

Описания степи – наиболее лиричные страницы в сказаниях Степного. Это степь начала XX века, к которой автор чувствует привязанность, и вместе с тем вневременное, не меняющееся на протяжении веков пространство. Рассказчик, седой, бодрый мужик, «любит свою местность особой своеобразной любовью. Жара для него – благословение, пыль – благодать, степь – кормилица»... [7, с. 162]. Сама лексика («благодать», «благословение») указывает на то, что рассказчик – представитель православной культуры. Легенда

«Змея» повествует о купце, в давние времена жившем в оренбургских местах и снаряжавшем караваны в восточные земли.

Если в восточных рассказах В. И. Даля русские не водят караваны и равнодушны к большим деньгам, то в «Змее» у Степного на караванной торговле наживается не кто иной, как русский купец. Интересно, что у этой легенды есть историческая основа.

В «Легендах старого Оренбурга» Г. М. Десяткова [3] есть глава «Работорговец», повествующая о некоем купце М. Зайчикове, торговавшем людьми в период первого управления оренбургским краем В. А. Перовского, в ней же упоминаются соучастники купца Деев и Дюков. Как отмечает автор, Зайчиков за свои преступления был сослан на каторгу.

Те же фамилии встречаются и в историческом исследовании Е. В. Бурлуцкой «Деевы. Вековая династия оренбургских предпринимателей» [1], но история разворачивается несколько иначе. Автор обращается к книге востоковеда, генерал-лейтенанта М. А. Терентьева «Хивинские походы русской армии», который уверен, что киргизы похищали русских людей во время этого похода с помощью Зайчикова. «В десяти верстах от Оренбурга, за Уралом, Зайчиков имел пашни для обработки которых и нанимал мужиков, а между тем давал знать своим покупателям-киргизам. Те караулили добычу на дороге и захватывали целые семьи. Спекуляция Зайчикова оказалась весьма выгодною и под конец была обнаружена, и негодяй был сослан в Сибирь на каторгу» [1, с. 14]. По утверждению М. А. Терентьева, Зайчиков на время выехал из Оренбурга, а затем вернулся с паспортом на имя Деева. И поселился он в своем же доме, об этом знали все, но молчали. А в итоге от бывшего Зайчикова и пошла династия знаменитых купцов Деевых.

Купец, герой легенды Н. Степного «Змея», отправляя в дальние земли людей, трепетно прощается со всеми, заказывает молебен о их здравии, и каждый раз его посланцы не возвращаются: на них нападают кочевники и уводят их в рабство. Так пропадает и кухарка, прижившая ребеночка от хозяина. После смерти купец оставляет

наследникам миллионное наследство, а дальше выясняется, что сам он и промышлял работорговлей, сговариваясь с кочевниками тут же, на Меновом дворе. На панихиде по усопшему из склепа выползает змея, и все понимают, в кого обратилась душа умершего.

Художественный строй этого небольшого произведения не исчерпывается описанием несправедливой торговли, справедливого возмездия за грехи. Все это просвечено психологической коллизией преемственности поколений, осужденных вечно нести страшное бремя ответственности за своего предка (хотя и поменяли потомки купца фамилию, сгорая от стыда), коллизией беспросветного горя: «И мне почудилось: стон, исступленный плач, лязг цепей когда-то мирно работавших на полях юношей и девушек, идущих с караванами на рынки Хивы, Бухары, Коканда, а над ними, шипя и свистя, поднималась столбом, высывая длинный, узкий язык, насыщенный ядовитой слюной, извилистая, властная змея. Она стерегла их, обнимая своим гибким эластичным кольцом, стерегла их в неволе, а на покушающихся уйти жестоко изливала свою ядовитую слюну; беглец погибал от страшной жажды – без воды, не зная дороги в пустынях, от невыносимой жары» [7, с. 164].

Нередко в восточных рассказах В. И. Даля повествуется о том, как русского человека, жителя крепости, уводят в плен (например, «Рассказ хивинского пленника Федора Федоровича Грушина», «Осколок льду»), и очень часто эти повествования счастливо заканчиваются. Так увезена киргизами пасшая коров неподалеку от Оренбургской крепости четырнадцатилетняя Маша Чернушкина («Осколок льду»), однако благодаря своему веселому нраву, трудолюбию, расторопности девушка через несколько лет благополучно возвращается домой. Сказания же Н. А. Степного о пленниках, например «Два бугра», «Любовь», «Змея», заканчиваются неизменно печально.

Пожалуй, одно из самых лиричных «оренбургских» произведений Н. Степного – сказание «Любовь». В описаниях степи звучат философские мотивы бренности бытия: «...когда идешь по сухой,

шуршащей цветами траве и местами наступаешь на мягкий, вновь поднявшийся зеленый ковер новых трав, когда слышишь, как заливаются уже не по-весеннему жаворонки, перекликаются перепела и новый, почти осенний звук щегла врывается в их возгласы, то вдруг на душе становится так тихо-тихо. Ну как будто покачивающийся под полуденным ветром шелест травы, вместе с льющимися из-под осеннего, уже по-иному светящегося неба звуками поет иную песенку о том, что на земле все было и все пройдет, ибо всякое начало имеет свой конец» [8]. Сентенция о начале и конце, о том, что все пройдет, ставшие расхожими, повсеместно употребляемыми слова – аллюзия и на слова царя Соломона, и на изречения новозаветных пророков, не осознаваемая самим автором.

В центре текста – история недавно умершего мельника Апсаляма, захваченного в плен и обращенного в мусульманскую веру, облаканного киргизским ханом и женившегося на его дочери Ханым.

Сказание знакомит с нравами и обычаями восточных людей, с бытом, с праздниками: «Съели более тысячи баранов, жеребят, козлят без числа, горы лакомств: баурсаков, курта и джидека. Выпили тьму бурдюков кумыса, скакали, драли козла – и разъехались». Киргизская женщина в сказаниях Степного не лишена изящества: «выточенная, вылитая, стройная, гибкая, как козочка» [8].

Возвысившийся до положения ханского зятя пленник все же не забывает родину и, подобно герою древнерусского паломничества Афанасию Никитину, ведет счет православным праздникам: «Апсалям знал немного грамоте, вел счет дням и, когда подходил большой праздник Рождества или Пасхи, то сердце его особенно тосковало» [8]. На Троицу припоминает он и храмы, украшенные березками, и колокольный звон, и плывущие по реке венки. Эти описания свидетельствуют о том, что автор зачастую мыслит православными категориями и не разделяет историю русского народа с его традиционной верой

Видя такую любовь мужа к родине, Ханым помогает ему бежать, моля при этом не забывать ее. История побега напоминает

сказочную: жена дает мужу трех коней, три лепешки и велит пристрелить самую быструю лошадь, как только она устанет, а не то на ней, отдохнувшей, его легко догонят. По прошествии трех дней Ханым, не вынеся сердечных мук, поднимает аул, догоняет мужа на том самом жеребце и требует взять ее с собой. Но как только герои достигают русской границы, коварная стрела настигает Ханым. Умирая, она все спрашивает, любит ли ее Апсалям. Подобно В. И. Далю, Н. Н. Степной показывает, что восточный человек в своем умении любить не уступает русскому и что любовь русского человека к своей родине неотделима от представлений о православной вере.

Таким образом, явные «переключки» в «оренбургских» произведениях В.И. Даля и Н. Степного объясняются общностью документального и фольклорного материала, интересом писателей к этнологическим особенностям обитателей города-крепости и степи. Несмотря на то, что их взгляды на вопросы веры неодинаковы, творчество обоих сформировалось в условиях одной культуры – русской, православной, о чем свидетельствуют их произведения.

Литература:

1. Бурлуцкая, Е. В. Деевы. Вековая династия оренбургских предпринимателей. – Текст : непосредственный // Купечество оренбургское : сб. ст. – Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2016. – С. 13-23.

2. Даль, В. И. Оренбургский край в художественных произведениях писателя / сост. А. Г. Прокофьева, Г. П. Матвиевская [и др.] – Оренбург : Оренбургское кн. изд-во, 2001. – 416 с. – Текст : непосредственный.

3. Десятков, Г. М. Легенды старого Оренбурга. – Оренбург : Изд-во «Оренбургская книга», 2017. – С. 90-99. – Текст : непосредственный.

4. Прокофьева, А. Г. Литературное Оренбуржье : биобиблиограф. словарь / А. Г. Прокофьева, В. Ю. Прокофьева [и др.]. – Оренбург, 2006. – 272 с. – Текст : непосредственный.

5. Прокофьева, В. Ю. Оренбургские локусы в творчестве В. И. Даля. – Текст : непосредственный // Жизнь и творчество Даля в Оренбурге : монография. – М., 2011. – С.150–153. – Текст : непосредственный.
6. Слобожанин К. – Текст : непосредственный // Голос трудового казачества. – 1918. – №16 (12 мая).
7. Степной, Н. Два бугра. Змея / Н. Степной. – Текст : непосредственный // Гостинный двор. – 1995. – № 1. – С.160–166.
8. Степной, Н. Любовь. – Текст : непосредственный // Голос трудового казачества. – 1918. – № 56 (2 июля).
9. Сербина, Н. С. Жанр «восточной» повести в литературном творчестве В. И. Даля. – Текст : непосредственный // Вестник Башкирского университета. – 2007. – Т. 12. – № 4. – С. 65–68.
10. Фомичев, С. А. Актуальный Даль. – Текст : непосредственный // Вторые международные Измайловские чтения, посвященные 200-летию со дня рождения В. И. Даля / отв. ред. А. Г. Прокофьева. – Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2001. – С.111–122.

Shcherbakova E.K.

Orthodox motives in the "Orenburg" works of V. I. Dal and N. A. Steponoy

The article deals with the role of Orthodox motifs in the "Orenburg" tales of V. I. Dal and in the "Tales of the Steppe" (legends and tales) of N. A. Steponoy (Afinogenov). In the "Tales of the Steppe" created on the basis of folklore material by N. A. Steponoy, allusions to the eastern texts of V. I. Dal are visible. However, if "Orenburg" prose of V. I. Dal special significance for Orthodox motives, a priori, correlated with the Russian Orthodox, in the legends of N. Steponoy, Orthodox thinking is manifested only in everyday descriptions, details, and at the same time it is not fully realized the basis of Russian life, something unchangeable and familiar.

Key words: V. I. Dal, N. A. Steponoy, Orthodox motives, legends, kyrgyz, cossacks, life, customs, Orenburg fortress, the Ural, steppe space.

References:

1. Burluckaja, E. V. Deevy. *Vekovaja dinastija orenburgskih predprinimatelej* [Deevy. A century-old dynasty of Orenburg entrepreneurs] *Kupechestvo orenburgskoe : sb. st.* [Orenburg merchant class: collection of articles], 2016, pp. 13-23.
2. Dal', V. I. *Orenburgskij kraj v hudozhestvennyh proizvedenijah pisatelja* [Orenburg krai in the artistic works of the writer]. Orenburg, 2001. – 416 p.
3. Desjatkov, G. M. *LegenIdy starogo Orenburga* [Legends of old Orenburg]. Orenburg, 2017, pp. 90-99.
4. Prokof'eva, A. G. *Literaturnoe Orenburzh'e : biobibliograf. slovar'* [The Literary Orenburg region : bibliographic dictionary]. Orenburg, 2006. – 272 p.
5. Prokof'eva, V. Ju. *Orenburgskie lokusy v tvorchestve V.I. Dalja* [Orenburg loci in the works of V. I. Dal]. In *Zhizn' i tvorchestvo Dalja v Orenburge : monografija* [Life and creativity of Dal in Orenburg: monograph]. Moscow, 2011, pp. 150-153.
6. Slobozhanin K. In *Golos trudovogo kazachestva* [Voice of the labor Cossacks]. 1918, No.16 (12 May).
7. Stepanov, N. *Dva bugra. Zmeja* [Two hills. The Snake]. In *Gostinyj dvor* [Gostiny Dvor]. 1995, No. 1, pp.160–166.
8. Stepanov, N. *Ljubov'* [Love]. In *Golos trudovogo kazachestva* [Voice of the Labor Cossacks]. 1918, No. 56 (2 July).
9. Serbina, N. S. *Zhanr «vostochnoj» povesti v literaturnom tvorchestve V.I. Dalja* [The genre of the "eastern" story in the literary work of V. I. Dal]. In *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of the Bashkir University]. 2007, Vol. 12, No. 4, pp. 65–68.
10. Fomichev, S. A. *Aktual'nyj Dal'* [Actual Dal]. In *Vtorye mezhdunarodnye Izmajlouskie chtenija, posvjashhennye 200-letiju so dnja rozhdenija V.I. Dalja* [Second International Izmailov Readings dedicated to the 200th anniversary of the birth of V. I. Dal]. Orenburg, 2001, pp.111–122.